

Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления

ПУДОВОЧКИН Юрий Евгеньевич, заведующий отделом уголовно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор 117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69
E-mail: 11081975@list.ru

Институт соучастия в преступлении является традиционным для российского уголовного права. Его многовековая нормативная история сопровождается весьма бурными научными дискуссиями, которые нельзя считать в полной мере завершенными в наши дни. Это обстоятельство обеспечивает сохранение в ряду нерешенных множества прикладных проблем квалификации соучастия и не способствует устойчивости практики нормотворческой деятельности. В связи с этим возникает потребность в упорядочении представленных в науке суждений.

Используя методы науковедческого, догматического, сравнительного и исторического анализа, привлекая материалы судебной практики, автор предпринял попытку провести ревизию существующих подходов к пониманию соучастия, чтобы определить исходные параметры этого института в действующем российском законодательстве.

По результатам исследования сформулирован ряд значимых выводов, помогающих адекватно оценить основания и пределы института соучастия, а следовательно, и исходные принципы квалификации преступлений, совершенных в соучастии. В качестве общего подхода, разделяемого сегодня большинством отечественных специалистов, установлены следующие положения: институт соучастия является необходимым компонентом структуры уголовного права и не может быть изъят из него; соучастие ограничено только общим для нескольких совместно действующих лиц преступлением; границы соучастия определяются представлениями о возможной вине и роли лица в преступлении. При этом исходный пункт конструирования соучастия в преступлении определяется принципиальным вопросом: участвуют соучастники в совершении «чужого» преступления или они совместно с исполнителем совершают общее, единое для всех преступление? Современная отечественная доктрина соучастия исходит из следующих постулатов: соучастники совершают общее для всех преступление; соучастниками являются не только организаторы, подстрекатели и пособники, но и исполнители преступления; соучастие возможно исключительно в умышленных преступлениях. При этом нормативная концепция соучастия объединяет базовые принципы как акцессорной теории соучастия, так и теории самостоятельной ответственности соучастников. Установлено, что соучастие может иметь место только при наличии действий исполнителя преступления (элемент акцессорности), но сами эти действия не определяют ответственности соучастников, каждый из которых несет самостоятельную ответственность.

Ключевые слова: доктрина соучастия, акцессорное соучастие, теория самостоятельной ответственности соучастников, основание ответственности соучастников.

The Concept of Complicity: Theoretical Background and Legal Formalisation

Yu. Ye. PUDOVCHKIN, head of the Criminal-Law Research Department of the Russian State University of Justice, doctor of legal sciences, professor
69, Novocheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117418
E-mail: 11081975@list.ru

Complicity in a crime is a traditional institute of the Russian Criminal Law. Throughout centuries of its legal history it has been accompanied by quite tense scholar discussions which could not be considered completely closed nowadays. This situation contributes to the unstable nature of law-making practice and leaves unsolved many practical issues of legal classification of crimes committed in complicity, which necessitates ordering the existing scholars' views.

By employing methods of scientific, dogmatic, comparative and historical analysis, as well as the analysis of the domestic courts' practice, the author attempts to review the existing approaches to conspiracy, in order to determine the basic parameters of this concept in the current Russian legislation.

As a result, a number of significant conclusions have been made, which help to assess adequately the grounds and limits of conspiracy and thus the basic principles of classification of crimes committed in conspiracy. A common ground, shared by most of the Russian criminal-law specialists today is that: conspiracy is a necessary component of Criminal Law's structure and could not be taken out of it; conspiracy exists in relation to a crime, common to several jointly acting persons; limits of conspiracy are defined by the perception of possible culpability and a mode of person's participation in a crime. At that, the starting point in the process of complicity construction is defined by the essential question of whether accomplices take part in "someone's" crime or rather commit, along with an actual perpetrator, a common single crime. Modern Russian doctrine of complicity is based on the following points: accomplices take part in a crime common for them; possible modes of complicity are not limited by organisers, aiders and abettors and co-perpetrators; complicity can exist only with relation to intentional crimes. Along with that, a legal concept of complicity brings together basic principles of both the accessory theory of complicity and the theory of independent responsibility of accomplices. It is stated that, on the one hand, complicity could take place only where an act by a perpetrator takes place (accessory element). But this act does not in itself pre-determine the responsibility of accomplices, where every one is individually responsible.

Keywords: doctrine of complicity, accessory complicity, theory of independent responsibility of accomplices, basis of accomplices' responsibility.

DOI: 10.12737/art_2018_8_10

Введение. Институт соучастия в преступлении признается одним из самых сложных. В нем по-особому преломляются едва ли не все иные предписания уголовного закона и положения уголовно-правовой теории — об основаниях уголовной ответственности, вине, объеме деяния, причинной связи, субъекте преступления, пределах наказуемости и проч. Содержание института тесно связано и отражает ведущие тенденции уголовной политики как в части противодействия отдельным видам преступлений, прежде всего групповых и организованных, так и в части установления ее общего вектора, связанного с извечным поиском баланса между репрессивной и либеральной моделью воздействия на преступность. Соучастие, как иные институты уголовного права, зависит также от особенностей текущего исторического момента, социальной и криминологической обстановки, общего

состояния уголовно-правовой теории и практики.

В силу этого совершенно не случайно соучастие в преступлении вызывает массу теоретико-прикладных проблем, которые далеко не всегда имеют однозначное или приемлемое для всех решение, что закономерно способствует доктринальному оформлению множества научных взглядов на проблему, формированию различных учений и концепций. Обзору некоторых существующих на сегодняшний день в теории уголовного права подходов к пониманию сущности, признаков соучастия, оснований и пределов ответственности соучастников и будет посвящена данная статья.

О необходимости института соучастия. Начать, по-видимому, следует с того, что в научной литературе уже не обсуждается вопрос о самой необходимости института соучастия. Его наличие в Общей части уголовного закона признается само собой

разумеющимся фактом, исходной и неоспариваемой точкой. Все рассуждения, во-первых, исходят от нее, а во-вторых, состоят не в том, должна или не должна существовать конструкция соучастия, а в том, какой она должна или может быть.

Между тем еще на рубеже XIX—XX вв. потребность в конструкции соучастия была предметом детального обсуждения.

К примеру, Г. Е. Колоколов весьма критически оценивал признанную в позапрошлом веке доктрину соучастия¹. В качестве отправной точки своих рассуждений он использовал учение о причинной связи, о градации причиняющих факторов на причины и условия преступного результата. Не признавая идеи общей (единой) вины и солидарной (т. е. общей) ответственности соучастников за одно, общее для всех них преступление, он требовал индивидуальной ответственности каждого соучастника за лично им выполненное.

И если Г. Е. Колоколов, формально не отрицая самой потребности в институте соучастия, заложил, как представляется, основы современной теории самостоятельной ответственности, то И. Я. Фойницкий пошел дальше, фактически отрица необходимость специальных предписаний уголовного закона относительно соучастия.

И. Я. Фойницкий упрекал доктрину соучастия в схоластичности, неполноте, обилии опровержимых презумпций. Один из основных упреков высказывался им в адрес исходной идеи рассматривать преступление, совершенное в соучастии, как единое деяние для нескольких лиц, в котором выражены согласованные действия и общая воля (вина). Критикуя ее, автор писал: «Каждый отвечает и может отвечать только за свою вину, и как ни тесна иногда, по-видимому,

связь виновного с другими лицами, при ближайшем рассмотрении вина каждого оказывается совершенно своеобразною и особенною»².

И. Я. Фойницкий, по сути, считал достаточным для привлечения к ответственности соучастников наличия норм Особенной части, объем которых при соответствующем толковании уголовно-правового запрета должен был включать любые (а не только исполнительские) действия, связанные с реализацией умысла на совершение того или иного преступления. В советской науке, на начальных этапах ее становления, на таких же позициях стоял А. А. Пионтковский³.

Иначе решал эти вопросы Николай. Он писал, что умысел соучастников отличается от умысла исполнителя и направлен лишь на совершение своего собственного действия. Никакого единства — ни субъективного, ни объективного — в их действиях нет. Действия соучастников образуют самостоятельные основания ответственности и потому должны рассматриваться как отдельные преступления, предусмотренные в специальных постановлениях Особенной части Кодекса⁴.

Как показывает этот небольшой экскурс, самоочевидность потребности в наличии специальных предписаний о соучастии в рамках Общей части уголовного законодательства не была общепризнанной. Ряд весьма авторитетных специалистов, опираясь на краеугольный уголовно-правовой принцип личной ответственности за лично выполнен-

² Фойницкий И. Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юридический Вестник. М., 1891. Т. VII. Кн. 1 (Январь). № 1. С. 17, 20, 28.

³ См.: Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1924. С. 184—185.

⁴ См.: Хейфец И. Я. Подстрекательство к преступлению. Исследование / предисл. С. В. Познышева. М., 1914. С. 9—10.

¹ См.: Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении (О соучастии вообще и о подстрекательстве в частности). М., 1881. С. 48—49, 51.

ные действия, полагали достаточным и необходимым либо ввести специальное толкование уголовно-правовых запретов Особенной части, охватывая ими не только действия исполнителя, но и иные действия, связанные с реализацией умысла на причинение вреда, либо дополнить систему Особенной части специальными предписаниями об ответственности соучастников, конструируя для этих целей самостоятельные составы преступлений.

Нельзя сказать, что эти идеи навсегда остались в прошлом и представляют интерес лишь в разрезе историко-правового и науковедческого анализа. Вопрос о том, необходим ли институт соучастия вообще и для оценки каких именно случаев он необходим, вновь приобретает актуальность прежде всего на фоне расширяющейся практики самостоятельной криминализации отдельных соучастных действий.

О том, что не считается соучастием и что может им считаться. Все теории соучастия призваны описать, по сути, единый феномен совместного совершения общего для нескольких лиц преступления. Специалисты всегда подчеркивали этот момент, проводя отличие соучастия от иных ситуаций совершения преступления несколькими лицами. В свою очередь, в зависимости от того, как это различие проводилось, менялось представление и об объеме понятия соучастия.

Во-первых, вслед за Н. С. Таганцевым напомним, что соучастие во все не вытекает из факта рассмотрения уголовного дела о преступлениях нескольких лиц в рамках одного судебного процесса⁵. Связь между этими обстоятельствами возможна, но не обязательна: рассмотрение уголовного дела в отношении нескольких лиц в рамках од-

ного процесса может быть предопределено фактом их соучастия, но из этого вовсе не следует, что закон содержит запрет на рассмотрение уголовного дела в отношении соучастников одного и того же преступления в рамках самостоятельно организованных процессов. В любом случае факт рассмотрения дела в отношении нескольких лиц в одном процессе не предопределяет соучастие этих лиц в преступлении.

Во-вторых, соучастие следует четко отграничивать от элементарного совпадения во времени и пространстве фактов совершения несколькими лицами одного и того же по своим социальным и юридическим признакам преступления. Классической иллюстрацией здесь является ситуация хищения предметов из одного источника несколькими лицами, которые действуют самостоятельно и независимо друг от друга.

Наконец, в-третьих, из объема соучастия всегда исключается поведение, которое причинно и (или) виновно не связано с причинением вреда охраняемым законом интересам. Это прежде всего попустительство, заранее не обещанное укрывательство и недоносительство, каждое из которых может влечь ответственность по самостоятельным нормам уголовного закона (например, ст. 316 или ст. 205⁶ УК РФ). К этим случаям примыкают ситуации посредственного причинения вреда (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

Таким образом, феномен, который призван описать институт соучастия, представляет собой лишь факт совершения несколькими лицами одного преступного деяния, который может быть охарактеризован как «общая деятельность», «совместное совершение», «коллективное взаимодействие». Особенность такой деятельности состоит в том, что объективно (причинно) и виновно действия каждого участника связаны, во-первых, друг с другом, а во-вторых, с самим фактом непосредствен-

⁵ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. М., 1994. С. 327—328.

ного преступного посягательства и наступившим преступным результатом. При этом в понимании механизма соучастия в преступлении наука демонстрирует минимум два несовпадающих подхода, каждый из которых в принципе может считаться достаточным для того, чтобы легитимировать соучастие в структуре уголовного права.

С одной стороны, широко представлена оценка действий лиц, организующих, склоняющих к совершению или способствующих совершению преступления как своеобразной формы участия одного лица в преступлении другого лица, участия не в «своем», а в «чужом» преступлении. В связи с этим конструкция соучастия призвана установить основания и пределы ответственности лица за «чужую вину».

С другой стороны, также явно представлен подход, в рамках которого аргументировано понимание преступления, совершенного несколькими лицами, как особой коллективной деятельности, в которой каждый участник вносит свой вклад в совершение «своего» преступления, выступающего общим для всех участников.

Каждая из описанных конструкций при всех заметных отличиях между ними позволяет констатировать, что в объективной реальности есть такая связь некоторых лиц с преступлением, которая не укладывается в традиционные (стандартные) представления о связи между деянием исполнителя и преступным результатом, ввиду чего закон должен содержать специальные предписания, позволяющие обосновать ответственность таких лиц.

В теоретическом отношении представления о такой связи послужили началом в построении двух теорий соучастия, в равной степени представленных сегодня в доктрине и законодательстве — теории акцессорного соучастия и теории самостоятельной ответственности соучастников.

О различиях в понимании объема соучастия (виды соучастников). Первый пункт, различное понимание которого детерминирует различающиеся конструкции соучастия, предполагает ответ на вопрос о том, охватывает ли феномен соучастия действия всех лиц, причинно и виновно связанных с преступлением, или же соучастие ограничивается лишь действиями лиц, непосредственно не выполнявших преступного действия.

На этом основании, в частности, в немецкой литературе принято различать соисполнительство и собственно соучастие. В первом случае совместно действуют, взаимодействуют два или более лица, которые являются исполнителями. В отличие же от соисполнительства соучастие — это всегда «соучастие в деянии, исполненном другим лицом»⁶. Оно в силу этого всегда акцессорно, зависимо от оценки действий исполнителя.

Иной подход демонстрирует доктрина англосаксонского права. Здесь институтом соучастия охватываются как сами исполнители, так и все остальные участники преступного деяния, причем все они признаются исполнителями. Лишь при назначении наказания судьи учитывают «вклад» каждого из преступников. В целом же под соучастием здесь понимаются действия двух лиц или более по реализации преступного замысла⁷.

Отечественный закон, равно как и российская наука, также не проводят институциональных различий между соисполнительством и соучастием, признавая соисполнительство одним из проявлений соучастия. Весьма категорично в этом

⁶ Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. 5-е изд. Пер. с нем. М., 2013. С. 515.

⁷ См.: Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): учеб. пособие. М., 1997. С. 106—107.

отношении А. Н. Трайнин указывает: «Исполнитель мыслим лишь в составе соучастников. “Исполнитель”, “пособник” и “подстрекатель” — понятия соотносительные: они взаимно определяют друг друга как носители разных функций в едином соучастии. Поэтому быть исполнителем одному так же невозможно, как одному быть пособником или подстрекателем; исполнитель в смысле уголовно-правовом есть лишь тот, кто, действуя совместно с другими лицами, осуществляет преступный состав»⁸.

Иной взгляд на проблему является в нашей науке редким исключением. К таковым можно отнести, например, позицию И. П. Малахова, который писал, что отнесение исполнителей к числу соучастников является неточным, «ибо уголовно-правовое положение исполнителя определяется фактом непосредственного совершения им конкретного состава преступления, ответственность его за который наступает на общих основаниях, а отнюдь не в силу постановлений о соучастии»⁹.

Отмеченные различия в подходах закономерно требуют различий в характеристике оснований уголовной ответственности. Ведь если соисполнительство и соучастие — различные институты, то интерпретация оснований соисполнителей и соучастников в принципе может быть различной; если же это элементы одного явления, то вполне очевидно, что обоснование ответственности и соисполнителей, и соучастников должно покоиться на единых началах. В связи с этим совершенно не случайно, что один из самых сложных вопросов отечественной концепции соучастия — вопрос об основа-

нии ответственности иных, кроме соисполнителей, соучастников. По утверждению И. П. Малахова, например, «особенностью соучастия является то, что в действиях соучастника нет состава преступления», а соучастникам «вменяется состав преступного действия исполнителя, поскольку они облегчают его деяния»¹⁰. М. И. Ковалев видел основанием ответственности акцессорных соучастников общий состав преступления¹¹. В. С. Прохоров писал, что основание ответственности соучастников есть состав конкретного преступления, описанный в законе посредством предписаний не только Особенной, но и Общей части Уголовного кодекса¹². Надо признать, что именно этот взгляд сегодня является наиболее распространенным и поддерживается большей частью авторитетных специалистов.

О различиях в понимании объема соучастия (вина). Второй вопрос, решение которого приводит к различным конфигурациям соучастия, заключается в характеристике общей вины совместно действующих лиц. Водораздел между теориями происходит по линии формы вины: допустимо признавать соучастием совместное совершение неосторожного преступления или нет?

Надо признать, что идея неосторожного соучастия всегда присутствовала в отечественной науке. Например, А. Н. Трайнин, отрицая соучастие в ситуациях, когда преступление совершается одним из действующих лиц умышленно, а другим — неосторожно, ввиду «отсутствия здесь главного признака соучастия — единства преступного действия, немислимого при отсут-

⁸ Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 104.

⁹ Малахов И. П. Соучастие в воинских преступлениях в свете общего учения о соучастии по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1960. С. 10.

¹⁰ Малахов И. П. Указ. соч. С. 13—14.

¹¹ См.: Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 1: Понятие соучастия / под ред. М. А. Ефимова. Свердловск, 1960. С. 165—166.

¹² См.: Курс советского уголовного права (часть общая). Т. 1 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1968. С. 588.

ствии единой формы виновности», признает тем не менее, что «соучастие мыслимо лишь там, где все совместно выступающие лица действуют или умышленно, или неосторожно»¹³.

Однако отечественный закон (ст. 32 УК РФ), устоявшаяся практика и большая часть специалистов исходят из того, что совместность соучастников возможна исключительно при умышленной форме их взаимодействия при совершении умышленного деяния. П. Ф. Тельнов в связи с критикой идеи неосторожного соучастия писал: «Посильно предвидеть общественно опасные последствия лишь собственной неосторожности. К чему могут привести внешне присоединяющиеся неосторожные деяния другого лица, человеку пока не дано постичь с достаточной для уголовного права определенностью при любом напряжении его сознания и воли. Поэтому устанавливать ответственность за последствия объективно примыкающего неосторожного поведения другого лица — значит допускать объективное вменение, карать человека за то, что он не в состоянии предвидеть и тем более предотвратить»¹⁴.

Однако даже в рамках концепции исключительно умышленного соучастия специалисты расходятся в решении некоторых частных задач. Речь идет, к примеру, о таких направлениях дискуссии, как допустимость соучастия в преступлениях с косвенным умыслом и преступлениях с двумя формами вины, допустимость соучастия при так называемой односторонней субъективной связи, особенности квалификации действий соучастников при эксцессе и проч.

¹³ Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 67; также об этом см.: Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве. Ярославль, 1880. С. 78—80; Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 68.

¹⁴ Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 55.

Например, Ф. Г. Бурчак признавал соучастие только при наличии прямого умысла виновных. Он писал: «Соучастников объединяет общность цели, их намерений. Такая общность возможна только в преступлениях, совершаемых с прямым умыслом»¹⁵. В то же время П. И. Гришаев и Г. А. Кригер допускали возможность соучастия и при наличии косвенного умысла¹⁶, к чему, кстати, склоняется и современная судебная практика, по крайней мере при оценке действий соисполнителей преступления¹⁷.

В отношении особенностей субъективной связи между соучастниками А. В. Наумов, например, пишет, что в определенных обстоятельствах для обоснования соучастия достаточно односторонней субъективной связи (например, когда исполнитель преступления не осознает фактически наличествующей подстрекательской или пособнической деятельности другого лица)¹⁸. В то же время Д. С. Дядькин доказывает, что «при соучастии в преступлении необходимо устанавливать наличие хотя бы двухсторонней субъективной связи соучастников... так как никакая деятельность не может считаться совместной, если в ней участвуют лица, не достигшие друг с другом взаимопонимания с помощью общения»¹⁹.

¹⁵ Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / отв. ред. И. П. Лановенко. Киев, 1969. С. 121.

¹⁶ См.: Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по советскому уголовному праву. М., 1959. С. 41 и др.

¹⁷ См. Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 21 апреля 2016 г. № 49-АПУ16-5.

¹⁸ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть. 4-е изд. М., 2007. С. 453—454.

¹⁹ Дядькин Д. С. Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 15.

Экссесс исполнителя, который согласно нашему законодательству не влияет на ответственность иных соучастников и не вменяется им в вину, совершенно иначе воспринимается в рамках системы американского права, где, к примеру, доктрина ответственности за преступления, сопряженные с причинением смерти, позволяет обосновать ответственность за убийство, сопряженное с хищением, всех лиц, составивших преступный сговор на хищение, вне зависимости от того, принимали ли они непосредственное участие в лишении жизни, имелся ли у них общий предварительный умысел на убийство и вне зависимости от того, были ли они вообще осведомлены о совершенном в процессе хищения убийстве²⁰.

О концепциях соучастия (акцессорность). Все многообразие теоретических суждений относительно института соучастия в современном российском праве расположено в спектре мнений, заданных такими, в известной степени полярными, доктринами, как доктрина акцессорного соучастия и доктрина самостоятельной ответственности соучастников.

В самом общем представлении акцессорность соучастия означает такую нормативную конструкцию, при которой ответственность подстрекателей, пособников, организаторов оказывается зависимой от ответственности исполнителя преступления. Как писал А. С. Жиряев, «подстрекательство, пособничество, попустительство, укрывательство и недонесение без наличности главного преступления, или по крайней мере покушения на главное преступление, если и могут быть признаваемы виновными, то не как особые виды стечения, но как отдельные самостоятельные противозаконные деяния (*delicta sui generis*), наказуемые без всякого отноше-

ния к главному преступлению, которое почему-либо не состоялось»²¹. В рамках этой доктрины, призванной прежде всего легитимировать ответственность лиц, не выполнявших непосредственно объективной стороны преступления, основанием уголовной ответственности соучастников признается совершение преступления исполнителем.

При этом важно признать, что сама по себе акцессорная теория не является монолитной. Детально исследовавший ее М. И. Ковалев пишет, что науке уголовного права известны многие ее виды: а) строгая акцессорность, когда все (и наказание, и освобождение от наказания соучастников) подчинено исполнению преступления; б) логическая акцессорность, которая предполагает, что наказание за соучастие должно быть определено лишь в пределах санкции, установленной законом за главное деяние; в) акцессорность по наказанию, т. е. требование, чтобы степень наказуемости соучастников определялась по степени ответственности исполнителя; г) акцессорность по степени завершенности деяния; д) лимитированная акцессорность²².

Акцессорная теория соучастия по определению «плохо работает» в ситуации, когда преступление совершается непосредственно двумя или более соисполнителями. Равным образом в российском праве, где исполнители также входят в круг соучастников, основной тезис акцессорной теории требует либо опровержения, либо существенной корректировки. Вероятно, в силу этого, но не только поэтому акцессорная теория долгое время отвергалась российской наукой. Она еще находила сторонников в дореволюционной науке, но в советский период подвергалась жесткой критике. Например,

²⁰ См. об этом: Флетчер Дж., Наумов А. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 457.

²¹ Жиряев А. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 39.

²² См.: Ковалев М. И. Указ. соч. С. 101—102.

Г. И. Волков упрекал ее в методологической порочности, непоследовательности, формализме и практической непригодности, «механической трактовке» причинности, в презумпции «общей вины»²³.

О концепциях соучастия (самостоятельность ответственности). Развивая идеи, заложенные еще в работе И. Я. Фойницкого, большинство отечественных специалистов советской поры признавали, что соучастники, как и соисполнители, участвуют в совершении «своего собственного» преступления, а не в совершении преступления исполнителем. Соучастие, писал А. Н. Трайнин, не преступление, это особая форма ответственности, соответствующая особой форме деятельности соучастников; при соучастии не вносятся никаких изменений в общие основания уголовной ответственности; для ответственности соучастника как для ответственности индивидуально действующего лица необходимо наличие объективного и субъективного оснований ответственности — причинности и виновности²⁴. Отсюда — отсутствие жесткой связи и зависимости ответственности (и оснований, и объема) соучастников от ответственности исполнителя преступления.

Следует признать, что такой отход от постулатов акцессорной теории соучастия не является фактом сугубо российской истории. Он вполне объективно был вызван некоторой ограниченностью теории акцессорности, которая в ряде случаев не позволяла привлечь к уголовной ответственности лиц, фактически выполняющих общественно опасные и виновные деяния (например, эта теория не позволяла в должной мере обосновать ответственность подстрекателя, чьи действия не привели к совершению преступления исполнителем). В связи с этим теория са-

мостоятельной ответственности соучастников приобрела популярность во многих странах. В частности, американское уголовное право, по сути, отказалось от признания акцессорности соучастия, закрепив правило о том, что соучастник может быть осужден независимо от того, был ли осужден исполнитель, может ли он отвечать перед судом²⁵. В странах же, которые сохранили свою приверженность акцессорной доктрине, присущие ей недостатки и пробелы компенсировались либо расширением границ неоконченного преступления, либо конструированием специальных оснований ответственности в рамках Особенной части уголовного законодательства.

О концепциях соучастия (компромисс). Справедливости ради надо отметить, что в чистом виде теория акцессорного соучастия и теория самостоятельной ответственности соучастников никогда не были полностью воплощены в уголовном законе. Как правило, законодательные конструкции соучастия всегда являли некий компромисс между этими доктринами, определяемый не в последнюю очередь соображениями уголовной политики и приоритетами в противодействии преступности. Действующий российский уголовный закон не является в данном случае исключением.

Специалистами уже неоднократно и детально отмечались нормативно закрепленные элементы обеих теорий. Ограничимся лишь самой общей констатацией главных, конструкторообразующих принципов построения соучастия по российскому праву, отражающих сочетание акцессорности и самостоятельности.

Первый состоит в том, что соучастие немислимо вне действий исполнителя преступления. Об этом четко сказал М. И. Ковалев, открыто при-

²³ Волков Г. И. Классовая природа преступлений и советское уголовное право / под ред. Н. В. Крыленко. М., 1935. С. 114.

²⁴ См.: Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 104, 126.

²⁵ Подробнее см.: Козочкин И. Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007. С. 214—215.

знававший акцессорный характер соучастия по отечественному законодательству. Суть акцессорности «заключена в признании того очевидного факта, что без исполнителя нет и соучастия, что особые условия и формы ответственности соучастников возможны только в том случае, если исполнитель выполнил задуманный соучастниками состав преступления или, по крайней мере, начал его исполнение. Основной общей ответственности соучастников является единство действий всех участвующих в преступлении лиц. Стержень этого единства — исполнитель. И если его нет, то соучастие рассыпается, как карточный домик»²⁶.

Этот тезис в целом находит поддержку у большинства российских специалистов; разделяется он и практикой высшей судебной инстанции страны, которая, к примеру, не находит оснований для привлечения к уголовной ответственности организатора побега из-под стражи в ситуации, когда находящееся под стражей лицо не имело умысла на совершение побега (дело Мурзиной²⁷), а равно не признает преступными действия пособника в ситуации, когда в деянии исполнителя нет состава преступления (дело Додух²⁸).

Второй принцип, отражающий влияние теории самостоятельной ответственности соучастников, состоит в том, что при наличии всех признаков соучастия (включая наличие действий исполнителя) правовая оценка деяний организаторов, подстрекателей и пособников (и в части квалификации, и тем более в части назначения наказания) не определяется ответственностью исполнителя преступления.

²⁶ Ковалев М. И. Указ. соч. С. 98—99.

²⁷ Верховный Суд РФ. Дело № 5-УД 15-82. Определение суда кассационной инстанции от 19 января 2016 г.

²⁸ Верховный Суд РФ. Дело № 50-Д 12-33. Определение суда надзорной инстанции от 19 июля 2012 г.

Показательной иллюстрацией в данном случае может служить дело из практики высшей судебной инстанции страны, в рамках которого дискуссия о возможности учета при квалификации действий организатора мотивов, которым руководствовался исполнитель преступления, в ситуации, когда каждый из них не был осведомлен о содержании мотивов друг друга, разрешилась в пользу правила самостоятельной и независимой квалификации действия соучастников (дело Гамзатова и Маламагомедова²⁹).

Приведенные судебные решения наглядно демонстрируют реальную силу и значение в современной судебной практике двух принципов, соответствующих двум базовым конструкциям соучастия: лимитированную акцессорность, обуславливающую возможность констатации соучастия лишь при наличии преступного поведения исполнителя преступления, и самостоятельность квалификации действий каждого из соучастников, в зависимости от их вины, характера и степени участия в совместном совершении общего для них преступления. При этом признание единого основания у всех соучастников преступления и различная квалификация их действий не противоречат друг другу, поскольку основание ответственности отражает объективную социальную реальность (преступление), а квалификация — ее уголовно-правовую оценку, которая согласно предписаниям принципа личной и виновной ответственности должна быть строго персональной. Это обстоятельство обуславливает индивидуальную ответственность соучастников при наличии единого основания уголовной ответственности.

²⁹ Верховный Суд РФ. Дело № 20-АПУ16-14. Апелляционное определение от 18 августа 2016 г.; Дело №27-П17. Постановление Президиума от 29 марта 2017 г.; Дело № 20-АПУ17-5. Апелляционное определение от 18 мая 2017 г.

Библиографический список

- Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / отв. ред. И. П. Лановенко. Киев, 1969.
- Волков Г. И. Классовая природа преступлений и советское уголовное право / под ред. Н. В. Крыленко. М., 1935.
- Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по советскому уголовному праву. М., 1959.
- Дядькин Д. С. Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
- Жиряев А. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850.
- Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 1: Понятие соучастия / под ред. М. А. Ефимова. Свердловск, 1960.
- Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001.
- Козочкин И. Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007.
- Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении (О соучастии вообще и о подстрекательстве в частности). М., 1881.
- Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): учеб. пособие. М., 1997.
- Курс советского уголовного права (часть общая). Т. 1 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1968.
- Малахов И. П. Соучастие в воинских преступлениях в свете общего учения о соучастии по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1960.
- Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть. 4-е изд. М., 2007.
- Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1924.
- Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве. Ярославль, 1880.
- Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. М., 1994.
- Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974.
- Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941.
- Флетчер Дж., Наумов А. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998.
- Фойницкий И. Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юридический Вестник. М., 1891. Т. VII. Кн. 1 (Январь). № 1.
- Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. 5-е изд. Пер. с нем. М., 2013.
- Хейфец И. Я. Подстрекательство к преступлению. Исследование / предисл. С. В. Познышева. М., 1914.
-
-